ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В. МУРАТОВСКОГО В АСПЕКТЕ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Джуанышбеков Н.
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

У статті розкрито структуру мовної та поетичної особистості В. Муратовського в когнітивно-прагматичному аспекті в контексті теорії комунікації та поетики літератури.
Ключові слова: мовна особистість, поетична особистість, ліричний герой, когнітивний аспект, прагматичний рівень.

В статье раскрывается структура языковой и поэтической личности В. Муратовского в когнитивно-прагматическом аспекте в контексте теории коммуникации и поэтики литературы.
Ключевые слова: языковая личность, поэтическая личность, лирический герой, когнитивный аспект, прагматический уровень.

The article reveals the structure of language and poetic personality of V. Muratovsky in the cognitive-pragmatic aspect of the context of communication theory and poetics of literature.
Key words: language personality, poetic personality, lyrical hero, cognitive aspect, pragmatic level.

Структура языковой личности В. Муратовского на вербально-семантическом уровне предполагает нормальное владение естественным языком, в данном случае, русским. Но это не обычный средний литературный язык, а язык поэтический, следовательно, изучение его необходимо связывать с поэтикой литературы.

В пятом классе учительница задала сочинение о лете. Вася написал короткое стихотворение об алматинском веселом лете, о прохладе горных речек, о жаркой прелести летних дней. Так состоялось вхождение Муратовского в поэзию. Трагедия юности, когда Муратовскому в 20 лет грозил расстрел, который был заменен двенадцатью годами тюрьмы и лагерей, могли сломить любого. Но Муратовский не просто выжил, он смог сохранить в душе поэзию. Ему помогло не чудо, а любовь к Богу и природе, что в данном случае одно и то же.

На когнитивном уровне, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей можно говорить об основных концептах поэзии В. Муратовского. Это вода, дерево, поэзия.

“Я струйками дождя стекал по стеклам…” – писал он в камере, ожидая расстрела и прощаясь с близкими. Вот это растворение в природе органично для души поэта. Не случайно он утверждает, что рожден под знаком воды:

Я – вода, меня легко запачкать…
Я – ручеек, который в болото
и из болота, такой же чистый…

Я – живой, как живое бессмертен,
зноем взятый- вернусь облаками…
Я согласен: не слышьте, не верьте –
знаю: пьете большими глотками… [1, с. 20]

Действительно, поэзия Муратовского – это родник в пустыне, для жаждущего высокой поэзии.

На прагматическом уровне, заключающем цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности Муратовского можно говорить о пейзажно-философской направленности его творчества. Муратовский – поэт природы: и ему дороги и шум высоких тополей, и мрачность елей, и ручья веселье в таком узнаваемом алматинском горном ущелье, и символический Русский лес, и конкретный горный лес вблизи Медео, с памятными реалистическими деталями пейзажа (“В горном лесу”). Степное ночное озеро сопрягается с отраженьем прибалхашской луны, полет летучих мышей причудливо связан с полетом крылатого сказочного льва. Лирический герой признается в родстве с вершинами Алатау, с деревьями Родины моей.

Разговор с людьми и разговор с богом совершается на одном уровне. С богом он говорит “незримым облаком ночным, звездой, мерцающей в тумане”, с людьми – “начну дождями нависать, деревьями шуметь над мукой…”. Он остается с людьми “неистребимо как запах гари, запах лип…”.

Когда лирический герой Муратовского чувствует, что он умер, он живет в том, что остается и передается как наследство, что вечно, как русский лес.

Русский лес – приют отеческий,
Знахарь плачей и обид.
В лес приходит человечество,
когда каждый нерв горит. [1, с. 13]

У Муратовского есть удивительные миниатюры, похожие на китайские картины тушью. Точно и сочно выписанные вишенки составляют фон на котором очерчена белая цапля с красным клювом на золотом юге, изнемогая от зноя (“Рисунок”).

А далее следует торжественная ода деревьям. Я не помню, кто в русской поэзии, кроме С. Кирсанова, так восторженно писал о деревьях. Мы с вами видим, “как листья медом выблестил клен”, “сказочный дуб”, может быть, тот самый из пушкинского Лукоморья, цветаевские рябины, ольху, как будто шагнувшую в тень парка из картины Нестерова, слышим шепот берез. Величаво звучит сравнение “О тян-шанские ели, как павы…”.

Тян-шанские алматинские ели не заслоняют от автора русский лес. Русский лес не так конкретен, как деревья в алматинском парке, но символично как прообраз начала звучат стихи:

Лес в сиянье ранней осени,
лес в лучах седой звезды,
лес с телегою вдоль просеки,
лес вне горя и беды…[1, с. 13]

Обобщенному русскому лесу противопоставлен конкретный алматинский горный лес. Лирический герой уходит в горы. “Устрою праздник – соберу рюкзак и поднимусь в дремучее ущелье, где мрачность елей и ручья веселье…” Возникает пастернаковский прием повтора придаточного предложения места: “Где даль пугается, где дом упасть боится…”. У Муратовского:

В лесу, где мох похож на города
под прессом времени, где заяц не боится,
где для маралов волки не беда
(и с шестиконечными рогами можно биться),

где белочка-шустрячка, как в дому
хозяюшка, не звавшая вас в гости,
где ели по утрам в седом дыму,
где под ногами и цветы и кости…[1, с. 22]

Это праздничное ощущение природы всеми органами чувств передано в стихотворении “Горный лес” и выдержанной до конца анафорой, и блестящей звукописью: “где синий ворон кроет синеву”; и естественными незамысловатыми песенными рифмами. Так и кажется, что это бардовское стихотворение поется у костра, когда под лопаткой спины тропы и трава, а взор устремлен в звездное небо, и душа пьет из Божьих рук.

Из окна тюрьмы было видно лишь одно дерево, и это дерево олицетворяло для поэта все деревья мира: “Дерево в сумерках ветхое, сутулясь застывшими ветками, похоже на нервную совесть…” В этом дереве он видел, как “деревья нервною системой стоят, зимой обнажены…”, и в дни сомнений и невзгод смог взять с них пример: “к деревьям примеряю душу и стойкости учусь у них…”.

В город врывается ветер потерь. И только природа смягчает горечь утрат. “Листвой у крыльца мой затоптанный свет”. И даже когда становится невыносимо от ада жизни, то лирического героя спасает “Божий свет”, и “шум высоких тополей ворвется в эти стены – свет гор, свет леса, свет полей наполнит мои вены…”.

Сквозным лейтмотивом проходит образ воды, воплощаясь в обнимающие струйки дождя, ночное облако, родник, пробившийся чрез твердь, ручеек, уходящий в горячую почву, росинку, раскрывающую почку, речку Алма-Атинку, рвущуюся к людям, степное ночное озеро, затерявшуюся реку из раннего детства.

Приметы природы Семиречья любовно и тонко вырисованы в стихотворениях: “Пустынное”, “Степное озеро ночное”, “Колючий куст”, “Затерялась река та в тумане прожитых мною лет…”, “В ущелье”, “Полуночное поле люцерны”, “В моих ладонях умирала птица…”, “Перекличка”, “Поэзия”, “Здравствуй, облако, похожее на крокодила, развернувшееся пасть…”.

Под Балхашом есть барханы поющего песка. Видимо, об этом так музыкально поведал Муратовский в стихотворении “Пустынное”. Стихотворение на две рифмы: женская “данность-первозданность – многогранность” опоясывает смежные мужские рифмы “песок-висок-сок-листок”. “Сей безмерно сыпучий песок, сквозь песок просочившийся сок, саксаула нежнейший листок” поражает не только ритмом саадиевского “Каравана”, но и точностью настроения, охватывающего каждого, попавшего в заповедные места Прибалхашья. Поэт в авторских комментариях точно указывает географические координаты описываемых пейзажей. “Плоды моих приключений в окрестностях озера Балхаш, вблизи села Куйган, в устье реки Или”. Но дело не в точности описаний, а в сопряжении состояния природы с состоянием души. Так великолепное описание степного ночного озера с кваканьем лягушек, со вкусом озерной воды, “в которой икринки, примесь ила, горчинка соли”, с диким шумом взлетающих гусей, с блеснувшими в озерной волне спинками сазанов, с отражением луны в волнах озера, с пологим берегом, заросшим тростниками, сочетается с горечью разлуки, с ассоциациями из древней китайской поэзии, с философией пути.

Прагматический уровень обеспечивает в анализе языковой личности В. Муратовского закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире. Реальный смысл жизни В. Муратовского – быть поэтом. Языковая личность смыкается с лирическим Я.

Так и колючий куст, как несгораемый библейский куст купины, становится символом непокорности и выживаемости, “символом надежды на пределе”. Колючий куст очень близок к лирическому “Я” поэта:

Глубинными корнями жизнь черпает,
по вертикали и горизонтали
шипы длиною в жизнь выставляет
и гонит прочь, и открывает дали. [1, с. 38]

В шестнадцать лет В. Муратовский участвовал в школьной геологической экспедиции. “Затерялась река та в тумане прожитых мной лет” – это вполне конкретная речка Таскайнар, что значит “кипящая на камнях”, за Кордайским перевалом вблизи одноименного поселка, и река воспоминаний, река вечности. По этой реке дано поэту возвращение в юность, к той реке, которая течет “между гор, между тутовых рощ”. И снова лирический герой с острогой и факелом ловит в ночной речке стремительную форель, рад несмелому поцелую и рвет бордовые тутовые ягоды. Но “память тех нестареющих дней” возвращает его в далекий Гефсиманский

сад, к своему воплощению в образе Христа. И реальным становится утверждение “будет вечность дана – я до юности вновь доживу”. Для поэтов время – нелинейное. Они умеют свободно перемещаться в собственном хронотопе. Такой способностью Муратовский обладает в полной мере.

Вот он оказывается “В ущелье”. Взгляд лирического героя направлен сверху вниз сквозь жесткую ветку дикой яблони и отмечает в конце лета в Бутаковском ущелье горную речку и роскошные яблони далеко внизу, а выше березы и ели, сухой склон, мрачные скалы, звонкое небо с меняющимися облаками. Природа празднует смену пиров и тризн. И вместе с ней лирический герой расшифровывает тайные знаки, ничего не понимая здесь и находясь уже там.

Великолепна фонетика стихотворения “Роз разбой в розовом разливе”. Аллитерации и ассонансы этого пейзажного и одновременно философского стихотворения выстраданы автором. Длинная музыкальная строка сменяется более короткой определяющей строкой, которая в свою очередь сменяется резюмирующим отрицательным утверждением-полустихом:

Роз разбой в розовом разливе
сна о юности счастливой –
еще не свет.

Боль, созревшая багровой сливой,
канувшая в перегное лет, –
не рассвет! [1, с. 50]

Пейзажно-музыкальные образы трансформируются в последней строфе-трехстишии в грустно-поэтической медитации в образ лирического “Я”.

Тронут заживо надеждой терпеливой,
светозарной колышусь нивой
в лесу примет. [1, с. 50]

У Муратовского очень редки баллады. Но стихотворение “Полуночное поле люцерны” – типичная баллада, в которой происходят определенные события и где превалируют вполне конкретные пейзажные описания, в которых сливаются подростковые воспоминания о поле под Жаркентом, о серебре луны, о ишаке, о границе с Китаем, о стройотряде, о куплете песни, исполняемой В. Высоцким о девочке из Нагасаки.

Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека. Читая Муратовского, испытываешь к нему не только глубокое уважение, но и влюбляешься в его поэзию.

“Корни и крона” – книга, составленная из семи книг. Каждая из них законченный этап в развитии души поэта. И на каждом этапе природа составляет отдельную грань этой души.

Если говорить о Муратовском как коммуникативной личности, то следует подчеркнуть ее креативный тип. Если перформативная коммуникация непременно направлена на адресата, то креативная может быть и не направлена на Другого. Креативное общение характеризуется относительной свободой языкового знака, возможностью неоднозначного осмысления, высокой контекстной зависимостью, актуализацией внутренней формы знака и фасцинативностью плана выражения знака. В поэтике литературы это обозначает богатство речевых средств и способов выражения лирического Я.

Мы коснулись только трех книг, надеясь, что читатель захочет радостно соприкоснуться с удивительным миром поэта, в котором реальность действительности растворена в сотворении В. Муратовского, где он сможет вас обнять струйками дождя.

Литература

1. Муратовский В. Корни и кроны: Избр. Стихи / В. Муратовский. – Алматы, 2008. – 400 с.